

Π РОСТРАНСТВО
.....
ЕРЕВОДА

АДОНИС

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЭЗИЯ XV–XIX вв.

Перевод
АЛЕКСАНДРА ТРИАНДАФИЛИДИ

Антология
Адонис. Французская
поэзия XV–XIX вв.
Серия «Пространство перевода»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51597899

Адонис: Французская поэзия XV–XIX вв.:

ISBN 978-5-91763-401-2

Аннотация

Эта книга не только открывает русскому читателю имена незаслуженно забытых поэтов, но и расширяет наше представление о творчестве признанных классиков. В частности, в нее вошли не переводившиеся ранее «Жалоба Франции» Шарля Орлеанского, мифологическая поэма Лафонтена «Адонис», стихи Гюго, Верлена, Роллина и др. В центре книги комическая поэма Николя Буало «Налой» – остроумная сатира на католическое духовенство, оказавшая значительное влияние на русскую литературу XVIII – начала XIX в., но ни разу не издававшаяся в нашей стране.

Александр Триандафилиди (р. 1981), участник семинара Е.В. Витковского «Век перевода», известен прежде всего своими монументальными работами (романы Кретъена де Труа в соавторстве с Н.В. Забатуровой, «Неистовый Роланд» Арио-сто,

«Аркадия» Саннадзаро). В книге собраны лучшие его работы с французского в области малых форм.

Содержание

Предисловие переводчика	9
XV век	13
Шарль (Карл) Орлеанский	13
Жалоба Франции	13
«В глухом лесу Тоски Бесплодных Мук...»	17
«Сменился времени покров...»	18
«Известье по стране летало...»	19
XVI век	21
Марк Клод де Бютте	21
На мое возвращение из полей	21
Жан Пассера	24
К Луне	24
Сцевола де Сен-Март	25
«Прошла моя весна и осень вслед за летом...»	25
Жак Гревен	27
«В ней мертв огонь, во мне же он всё пуще...»	27
«Мы ропщем на владык, что, мол, война нужна им...»	28
«Когда приехал в Рим, искал я этот Рим...»	28
«Кто смотрит в небеса, о будущем толкует...»	29

«Я часто собирал, в раздумья погружен...»	30
Пьер де Круа	32
«Стрела, стрела любви, слоновой кости жало...»	32
Фламинио де Бираг	34
«Ты заново родись, чудовище Горгона...»	34
«О вы, кому приют Эреб...»	35
Жан де ла Сеппед	37
«О царственность страстей! О терны диадимы...»	37
Симон-Гильом де ла Рок	38
«Долина мрака, хмурые отроги...»	38
«Я – птица скорбная среди ночи одинокой...»	39
«Вот дама светская, чей нрав был горделивый...»	39
Абрагам де Вермей	41
«Пою и плачу, строю – тут же рушу...»	41
Марк де Папийон де Лафриз	42
«Мой Бог! Какая сласть, когда в засос целую...»	42
«Люблю познания, но книг я не читаю...»	43
Жак Даву дю Перрон	44
Храм непостоянства	44
Аннибаль де Лортиг	47
«Козлище дряхлый, прочь, не суй к	47

Киприде рожи...»	
Франсуа Менар	48
Прелестница в годах	48
Кардиналу Ришелье	51
Этьен Дюран	53
«Я в пламени дрожу, горюЗ в плену ледовом...»	53
Диалог	54
«Я множество ночей провел в слезах и даже...»	55
Жан Оврэ	56
Против страшно худой дамы	56
Одной уродине, влюбленной в автора	58
«Делил я ложе с дамою прелестной...»	58
Одной даме, игравшей на лютне сидя на коленях дружка	59
«В тот месяц, для любви столь подходящий...»	60
Ревность	61
Венсан Вуатюр	64
«Любя Уранию, я жизнь окончу рано...»	64
«Когда из врат зари любовница Кефала...»	65
XVII век	66
Франсуа Тристан Лермит	66
Полифем в ярости	66
Жорж де Скюдери	68

Спящая нимфа	68
Даме-прядильщице	69
Египетская красавица	69
Пьер Корнель	71
Ева и Мария	71
Жедеон Таллеман де Рео	72
«Дориса краше всех, признать пора...»	72
Жан де Лафонтен	74
Адонис	74
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Адонис: Французская поэзия XV–XIX вв

© А. Триандафилиди, перевод, 2018

© Издательство «Водолей», оформление, 2018

Предисловие переводчика

Любезный читатель! Книга, которую Вы держите в руках, ни в коем случае не претендует на звание антологии французской поэзии. Таковых издано на сегодняшний день немало, и французская литература не может пожаловаться на невнимание к ней русских переводчиков, что обусловлено давней близостью наших культур. Быть может, просмотрев состав сборника, Вы будете укорять переводчика, и по совместительству составителя, в выборочности и неполноте представленного материала.

К примеру, XV век, несмотря на определенную бедность в области изящной словесности (Средневековье во Франции уже закончилось, а Возрождение еще не началось), невозможно представить без его ключевой фигуры, школяра Франсуа Вийона, а исключительно обильный дарованиями век XIX – без творца «Цветов зла», Шарля Бодлера, – по словам Эллиса, поэта «более революционного, чем Карл Маркс»; равно как творчество юного гения Артюра Рембо – без незабвенного «Пьяного корабля». Вдобавок, неравномерность подачи материала: XV век представлен всего одним, пусть и знаменитым, автором, а XVIII сокращен до одного-единственного произведения, которое можно с полным правом признать галантной безделушкой. Значительные и выдающиеся явно уступают в количественном отно-

шении именам неизвестным, как правило, ничего не говорящим широкому читателю. Наконец, куда подевались предыдущие три века, столь плодотворные поэтическими произведениями? Почему не приводятся биографические справки, подробно отражающие творческий путь поэта? Et cetera...

Трудно предугадать все возможные возражения со стороны внимательных и вдумчивых читателей, поэтому сразу же буду вынужден объясниться. Эта книга – своеобразный отчет о моей семилетней творческой работе в области перевода с французского. И стремился я в ней показать не только свои пристрастия в поэзии, но и дух времени, тем самым дать читателю открыть для себя новые имена в великой сокровищнице французской поэзии. Основным критерием выбора произведения для перевода и включения его в книгу послужило отсутствие его русского воплощения и, конечно, поэтическое совершенство и яркость стиля оригинала, отражающего ту эпоху, в которую он создан.

Также в моей книге Вы найдете две поэмы, относящиеся к галантному веку и принадлежащие литературным классикам Буало и Лафонтену. Любопытно, что при громадном интересе в России к творчеству законодателя европейского классицизма Николя Буало, его сатирическая поэма «Налой» так и не дошла до русского читателя, хотя и заложила основу целого жанра в русской литературе XVIII в., который принято называть «ироикомическая поэма». Русский поэт Василий Иванович Майков (1728–1778), создатель поэмы «Ели-

сей, или Раздраженный Вакх», лучшего образца этого ныне забытого жанра, брался за перевод «Налоя», который не был опубликован и остался фрагментарным. Только теперь выдающееся творение Буало доходит до русского читателя в полном переводе. Жан Лафонтен, известный нам почти исключительно как классик басенного жанра, в этой книге представлен в несколько неожиданном качестве творца галантной мифологической поэмы. «Адонис» – одно из самых ранних его произведений, созданных для развлечения Николя Фуке, всемогущего суперинтенданта финансов при Людовике XIV. Но история внесла свои коррективы в поэму: после падения Фуке в 1661 г., его имя было удалено автором, а стихи, посвященные ему, переадресованы некоей прелестнице Аминте. Перевод «Адониса», думаю, расширит наше представление о Лафонтене и доставит эстетическое удовольствие.

В заключение нужно сказать, что и первый из представленных здесь поэтов, и последний были выдающимися творцами, пострадавшими в результате бурных событий мировой истории. Шарль Орлеанский, великий продолжатель традиций трубадуров, был членом королевского дома Валуа, отцом короля Людовика XII; он провел 25 лет узником в лондонском Тауэре, будучи захваченным в плен в сражении при Азенкуре в 1415 г. Его программное произведение, королевская баллада «Жалоба Франции», написанная всего на четыре рифмы, впервые предстает на русском языке и, безуслов-

но, порадует любителей высокой поэзии позднего Средневековья. Замыкает нашу книгу последний французский символист Сен-Поль-Ру, зверски убитый в 1940 г. нацистами в оккупированной Бретани. Стихотворение «Лазарь» можно признать одной из вершин французской поэзии конца XIX века.

Добро пожаловать, дорогой читатель, в великий и необъятный мир французской поэзии!

Александр Триандафилиди.

XV век

Шарль (Карл) Орлеанский (1394–1465)

Жалоба Франции *Королевская баллада*

О Франция, как благородства клад
Ты исстари снискала почитанье,
В тебе любой мог встретить добрый лад,
Кургуазию, верность, честь и знанье,
И прочих добродетелей собранье.
Ты чужеземцев за собой вела,
А нынче зрю я, душу растравляя,
Твоя судьба не в меру тяжела,
Держава христианская святая.

Откуда столько зла встречает взгляд?
Ты знаешь, отчего твое терзанье?
И чтобы стала ты мудрей стократ,
Я так тебе промолвлю в назиданье:
В тебе обжорство, леность, величанье,

Во прах ты справедливость попрала,
В тебе разврат без меры и без края.
Всем оным кару Божью навлекла
Держава христианская святая.

Не думай, что в упреке спрятан яд,
Господь всеблаг и полон состраданья;
К Нему твои молитвы долетят.
Проси, тебе ведь дал Он обещанье:
Когда к Смирению приложишь тщанье,
Излечишься и станешь весела;
За всех и за тебя Господь, страдая,
Свой крест приял; будь верою светла,
Держава христианская святая.

Ты вспомни, Он вручил тебе булат,
Велел «Монджой!» кричать средь ликованья,
Лазурный стяг тобою был поднят,
Три Лилии лучили там сиянье,
Их дал тебе Он для врагов попранья,
Святую Орифламму ты взяла
В знак доблести; так чти, не забывая
Сии дары, которыми цвела
Держава христианская святая.

Еще Он голубя в твой вертоград
Послал как милости знаменованье,
Чтоб Королей, твоих могучих чад,
Помазать мирром на коронованье,

Он также дал тебе для процветанья
Святые мощи, дабы берегла,
Чтоб понял мир, согласно признавая,
Что не падешь ты под пятою зла,
Держава христианская святая.

Тебя и Рим почтил, священный град,
Назвав своей опорой, правой дланью,
От бед была прочней ты всех оград,
И папский двор по своему желанью
Тебе свое доверил пребыванье;
Но ты сегодня Богу не мила,
Скорби же громко, в горести рыдая,
Ведь Им любима прежде ты была,
Держава христианская святая.

В твоих героях много лет назад
Поборников имели христиане;
О сколько было доблести, отрад
В Роланде, Оливьере, Шарлемане,
В Людовике Святом, на поле брани
Повергшем сарацинов без числа,
Вершившем труд, отвагою пылая!
Так летопись правдиво донесла,
Держава христианская святая.

О Франция, теперь в тебе разлад,
Хранитель твой подвергнул наказанью
Тебя за все грехи, что так смердят,

Пусть не смолкает месс благих звучанье
Во славу тех, кто принял смерть в страданье,
Служа тебе; ты помни их дела,
Навек в своих анналах сохраняя,
Посулами себя б ты не спасла,
Держава христианская святая.

Господь принять тебя в объятья рад,
Готов простить все грешные деянья;
Ты у Него проси себе пощад,
И помощь даст Царица мирозданья,
Святая Дева, смертных упованье.
Помогут и святые, чьи тела
В тебе почиют, вечный сон вкушая;
Проснись, так долго ты в грехе спала,
Держава христианская святая.

Карл, герцог Орлеанский, был я млад
В ту пору как писал сие посланье.
В плену томлюсь, от родины отнят,
В чем вам охотно я даю признанье
И обращаю к Господу воззванье,
Пусть Мир над нею распрострет крыла,
Всем сердцем жажду мира, уповая
На Бога, чтоб печаль твоя прошла,
Держава христианская святая.

«В глухом лесу Тоски Бесплодных Мук...»

В глухом лесу Тоски Бесплодных Мук
Блуждал один я в думе сиротливой
И повстречал Любви Богиню вдруг;
«Куда идешь?» – спросила, и учтиво
Ответил я: «Судьбою прихотливой
Мне в дебрях сих назначено брести.
Назвать меня отныне справедливо
Заблудшим, что не ведает пути».

С улыбкой кроткой: «Если б, милый друг,
Я знала, отчего тебе тоскливо,
Могла бы я развеять твой недуг,
Будь в этом властна, – отвечала дива.
Что сбился? Сердца твоего порывы
Я к наслажденьям подвела почти.
Мне горько зреть тебя, скажу правдиво,
Заблудшим, что не ведает пути».

И я: «Увы! Моих страданий круг,
Владычица, для вас отнюдь не диво.
Смерть, что нас косит, словно свежий луг,
Любимую мою взяла поживой,
А я вверялся ей, благочестивой,

И лучшего вождя мне не найти.
При даме не был, как понять должны вы,
Заблудшим, что не ведает пути».

Посылка

Слепец я днесь; брожу по лесу криво
И посохом своим неторопливо
Нащупываю путь, чтоб не сойти.
Как жаль, что быть мне в доле несчастливой
Заблудшим, что не ведает пути!

«Сменился времени покров...»

Сменился времени покров
Из ветра, ливня и метели,
И в солнца чистой колыбели
Всё облеклось в наряд цветов.

И твари сотней голосов
На языках своих запели:
«Сменился времени покров
Из ветра, ливня и метели».

У речек, токов и ручьёв
Приветно струи заблестели,
Как серебро литых изделий;

Гордится мир красой обнов:
Сменился времени покров.

«Известье по стране летало...»

Известье по стране летало,
По всем местам, что я почил.
От сей молвы печали мало
Всем тем, кто злобу затаил;
Но вам и белый свет немил,
Опора верная моя,
Друзья, ведь ваше чувство прочно.
Вам говорю я не тая:
Живуча мышь, я так же точно.

Меня печаль не донимала,
Я, слава Богу, полон сил,
И веселюсь, живя удало,
В надежде: мир, что сон влачил,
Пробудится и станет мил,
Отраду страждущим дая.
Карай, Господь десницей мощной
Мне ждущих горького житья,
Живуча мышь, я так же точно.

На лике Юности зеркало,
Но Старость, вестница могил,

Заполучить меня взалкала,
Однако, тщетен этот пыл,
До порта струг мой не доплыл.
Желаю сыну счастья я,
И восхваляю денно, ночью
Тебя, Предвечный Судия;
Живуча мышь, я так же точно.

Напрасен траур ваш, друзья,
А серый плат продается, точно.
Нетленна истина сия:
Живуча мышь, я так же точно.

XVI век

Марк Клод де Бютте (ок. 1530–1586)

На мое возвращение из полей

Уже зима, что всё долит ознобом,
На нас обрушила трескучий мраз,
Мои поля, вы сделались сугробом,
Я вас любил, искал отраду в вас.

Прозрачные ручьи в моей долине
Дыханьем хлада Аквилон сковал,
И не бегут они, а дремлют ныне
У льдистого подножья снежных скал.

И вы, деревья, что в сей дубраве милой
Так благодатно зеленеть могли,
Вдруг оголили ветви и уныло
Под гнетом льда склонились до земли.

Молчит полей угрюмое раздолье,

Где наслаждался я приятством нег,
Весной поют там птицы на приволье
И шепоту камней внимает берег.

Поля, я к вам в веселости досузей
Бежал от девяти сестер-камен;
Но днесь декабрь меня измучил стужей,
И уж не сдамся я в ваш дивный плен.

Вперед, Филипп! Коня седлать нам впору!
И что же вы мне, музы, супротив?
Меж тем как верную выводят свору,
Меня всё держит сладостный мотив.

Вот здесь, на берегу у вод лазурных
Сражался я как верный ваш боец,
Пока не пострадал от стрел амурных,
Что, в грудь войдя, сожгли меня вконец.

Но Шамбери призвал меня сегодня,
Хоть нет пера бессмертного того,
Что воспоеет по милости Господней
Сей Рай чудесный счастья моего.

Когда приеду, с радостью в избытке
Меня обнимут, обласкают все,
Покажут достопамятные свитки,
Что не подвластны времени косе.

Де Батендье, что с бравой шуткой дружит,
Взовет цветник изысканных словес,
Ламбер, кому сама Паллада служит,
Заговорит – как Цицерон воскрес.

Все соберутся, и Пиньона гласом
Прольется стих из давешних времен,
Что будто порожден самим Парнасом,
Иль сплел его бессмертный Аполлон.

Но, ах, в глазах красавицы жестокой
Мне вновь сверкнет пленительный тиран.
Как жалок тот, кто от красы высокой
Надежду несбыточной не пьян!

Жан Пассера (1534–1602)

К Луне

Ночного неба глаз, о солнцева сестрица
И полумесяца серебряная мать,
Тебе подвластны лес, хребты, речная гладь,
Тройная мощь твоя повсюду в мире чтится.

На ближней сфере ты сияешь, чаровница,
И можешь страждущим любовникам внимать;
Скажи, двурога, способна ль так страдать
Душа, что от любви мучительной томится?

Коль жалостью ко мне проникнешься любя,
Ты сможешь мне помочь: во власти у тебя
Рои пернатых снов, что навевают грезы.

Так избери того, кто лучше сможет боль
Влюбленных передать, к ней отослать изволь,
Чтоб дама видела во сне, как лью я слезы.

Сцевола де Сен-Март (1535–1623)

«Прошла моя весна и осень вслед за летом...»

Прошла моя весна и осень вслед за летом,
Печальная зима теперь стучит в окно;
Все ветры бьют меня, и мозг кипит при этом,
Морщинится лицо и в волосах снежно.

Хожу на трех ногах, сторожко и неспешно,
Я вверил посоху свой ссохшийся скелет,
И в пояснице боль, и позвоночник грешный
Сгибается к земле под тяжестью лет.

Мне в жилы льется хлад и сковывает душу,
Немеют чувства все, их остывает жар,
И пробкой ледяной мои замкнуты уши,
И силу глаз моих я заключил в футляр.

Но, Боже, ты не дай любви иссякнуть в сердце,
Чтоб молодой еще моя осталась плоть;
Насколько стынет жар в крови у страстотерпца,

Настолько укрепи мой сырой дух, Господь!

Зачем мне продлевать мучительную старость,
Чтобы смотреть на свет потускневшим зрачком?
Блажен, кто не исчах и не изведаль старость
Пред тем как в добрый час вернулся в горный дом!

Жак Гревен (1538–1570)

**«В ней мертв огонь, во
мне же он всё пуще...»**

В ней мертв огонь, во мне же он всё пуще,
Так виден куст, покрывшийся листвою
Под сморщенной трухлявою корою
Ствола, который усыхает в пуще.

Не властна зависть только в райской куще,
А здесь, измучен вашею игрой,
Ее боюсь, мне страшен яд лихой
На вражьем языке, меня гнетущий.

И такова теперь моя юдоль,
Что счастья нет, зато огромна боль,
Я за добычей мчусь, язвимый страстью.

Но вы единым блеском ясных глаз,
Способны радость мне вернуть тотчас,
Дабы не мог завидовать я счастью.

«Мы ропщем на владык, что, мол, война нужна им...»

Мы ропщем на владык, что, мол, война нужна им,
Что рады ей они, а мы среди бранных гроз,
Вассалы бедные, ценою крови, слез
Господство королям над миром покупаем.

Как только грянет гром, и, бурей нагнетаем,
Смутит небесный свод бушующий хаос,
Мы сами Небеса во всём виним всерьез,
А выйдет недород, так землю обвиняем.

Мы, нежели хоть в чем винить себя самих,
Скорей свою вину возложим на других,
Витийствуем в суде, прибегнув к укоризне.

Но, Боже, как не знать, что войны, глад, разор
И наводнения, как и всеобщий мор,
Из-за грехов одних, что совершаем в жизни?

«Когда приехал в Рим, искал я этот Рим...»

Когда приехал в Рим, искал я этот Рим,
Который некогда восьмым был чудом света,
Я не нашел его, не получил ответа
И в тщетных поисках раскаялся засим.

С утра и до ночи, как будто одержим,
То бегал в Колизей, а то в Ротонду, где-то
Взбирался я, смотрел вокруг на то, на это,
А вдруг великий Рим окажется мне зрим.

И то безумием я счел невыразимым,
Поскольку древний Рим был погребен под Римом,
И Вечный Город стал могилою сплошной.

Кто будет в Риме так метаться по кварталам,
Похож на конника, который пешедралом
Спешит, ища коня, чтобы помчаться стрелой.

«Кто смотрит в небеса, о будущем толкует...»

Кто смотрит в небеса, о будущем толкует,
Чтоб внуков удивить плодами сих трудов,
Он, прозревая рок, до неба взмыть готов
И, досадив Судьбе, над смертью торжествует.

Кто славы в мире ждет, кто почестей взыскует,
Кто Небом покорен, а кто поет богов;
Один не сдержит страсть в глуби своих зрачков,
Другой без устали писания шлифует.

Мы вечность зреть хотим, отринув дольний прах,
Бессмертия себе мы ищем в небесах,
И к цели той идем, а путь тернист и долог.

И я, покуда здесь живущий на земле,
Уверен, что теперь на небе Сен-Желе,
При жизни славный был поэт он и астролог.

«Я часто собирал, в раздумья погружен...»

Я часто собирал, в раздумья погружен,
Все сферы, кои мир замкнули словно в раме,
Я воду с воздухом мешал, с землею пламя,
Дабы постичь Того, кем мир был сотворен.

И пятый элемент был мною извлечен,
Что засекает дол обильно семенами,
В величии своем простершийся кругами,
И сам он движется и движет ход времен.

Когда подумаю, что смог постичь впервые
Истоки жизни сей, основы мировые,
Не стану хаоса тревожить я состав.

И для того всегда усердно, увлеченно
Я Аристотеля читаю и Платона,
Чтоб охладеть умом, как прежде мудрым став.

**Пьер де Круа
(он же Петр от Креста)
(1539–1614)**

**«Стрела, стрела любви,
слоновой кости жало...»**

Стрела, стрела любви, слоновой кости жало,
Вонзившись в сердце мне, усладу принесла;
Так мука сладостна, так сладостна стрела,
Что у меня в груди победу одержала!

О пламя, что навек мне сердце пронизало,
Чья сила от огня в крови моей взросла,
Как сладостен твой жар, жаровня, где дотла
Сгорает плоть моя, что мука истерзала!

О ярь, – не ярость, нет, – твой сладостный порыв
Тревожит сердце мне, стезю туда открыв,
Как сладостен твой пыл, что в дух вошел чрез очи!

Стрела в моей груди обычных стрел острей,
Огонь, мне жгущий плоть, жарчее всех огней,
Ярь, что смущает дух, сильнее яри прочей.

Фламинио де Бираг (ок. 1550 —?)

«Ты заново родись, чудовище Горгона...»

Ты заново родись, чудовище Горгона,
Пусть обратит в скалу твой взор, что лют и дик,
Плоть, уязвленную от всех любовных пик;
Снаружи я живой, внутри – мертвец зловонный.

Узилище свое покинет дух стесненный,
Судьба освободит его от всех вериг,
И из Чистилища, где светит Солнца лик,
Войдет он в темный грот, где позабудет стоны.

Но ни стенаниям, ни верности моей
Не вызвать жалости у гордой дамы сей,
Что управляет мной своей красы посредством.

По мере той любви растет и боль моя,
С тех пор как свет дневной утратил в горе я,
Ей сердце, плоть сиречь, оставил я наследством.

«О вы, кому приют Эреб...»

О вы, кому приют Эреб,
Покиньте свой ужасный склеп,
Явитесь из пещер Аверна
Взглянуть, как мой удел свиреп
И как тоска моя безмерна.

Владыки ада, зрите то;
Мегера, Цербер, Алекто,
Все Тени с грозной Тизифоной,
Лахезис, Атропос, Клото,
Услышите стон тоски бездонной.

Все пытки, что в аду страшны,
Моим мученьям не равны,
И нет подобья этой казни.
Среди подлунной стороны
Нет смертного меня несчастней.

Увы, краса молодая та,
Жестоким чудищам чета,
Меня силком кудрей схлестнула,
Ей, видно, милость не свята —
Любовь и верность обманула.

Позвольте, духи, вас просить

Ко мне участие проявить
И повелеть суровой Парке
Пресечь юдоль, сей жизни нить,
Чтоб я поплыл в загробной барке.

Когда печаль моя минёт
И Парка тень мою сведет,
Чтоб в адском утопить болоте,
Сей стих, который смерть поет,
В храм Памяти вы принесете:

ТОТ, КТО ЛЕЖИТ ПОД СЕЙ ПЛИТОЙ,
ОТ БОЛИ, МУКИ САМ НЕ СВОЙ,
ЗАКОНЧИЛ ДНЕЙ СВОИХ МЫТАРСТВО;
ВИНОЙ КОНЧИНЫ ГОРЬКОЙ ТОЙ
НЕВЕРНОЙ ЖЕНЩИНЫ КОВАРСТВО.

Жан де ла Сеппед (1550–1623)

«О царственность страстей! О терны диадимы...»

О царственность страстей! О терны диадимы!
О тяжкий скипетр мук! Бесчестия наряд!
Любовь души моей! Ум неисповедимый!
Христос, податель мой божественных отрад!

О вождь святой, бичи венец тебе дарят,
Где ни дотронутся, ты терпишь их, язвимый;
И под ударами сей пурпур досточтимый
Секущим лезвиём лиет обильно кат.

Что́, десять тысяч мук единой смерти ради?
Эй, посмотри: в крови, что пролил Он во граде,
Терн растворился весь, и ужас стал велик!

Кровь чистая, нектар, днесь осквернилась мразью
Глумительных плевков, и под кровавой грязью
Как у лепрозного стал прежде светлый лик.

Симон-Гильом де ла Рок (1551–1611)

«Долина мрака, хмурые отроги...»

Долина мрака, хмурые отроги,
Которых сторонится ясный Феб,
И демоны, чей дом – стигийский склеп,
И ночь, покой несущая в чертоги;

Утесы, гроты, жуткие берлоги,
Львов и медведей яростных вертеп,
Сычи и враны, вестники Судеб, —
Живет лишь ими днесь мой дух убогий.

Пустыня мира, скорбный суходол,
Мой разум кару за грехи обрел —
В Аду привычном мучиться безбожно.

Молю тебя: судьбу умиласердь,
Склони небесный свод, и, коль возможно,
Подвигни Ад, и Атропос, и Смерть.

«Я – птица скорбная среди ночи одинокой...»

Я – птица скорбная среди ночи одинокой,
Что света дня бежит, как и себя самой,
Безжалостный Амур мне образ дал такой,
Чтоб я провозглашал несправедливость рока.

Сим скалам сетую, как боль моя жестока —
Те скалы дикие приют всегдашний мой;
Когда закончу стон, раздастся Эха вой,
Но только встанет день, смолкаем мы до срока.

С тех пор как солнце мне не шлет своих лучей,
Не сходит темная плена с моих очей,
Лишив былых надежд, служивших мне опорой.

Я прежде был Орлом, наперсником светил,
Но форму ту, увы, судьба разбила скоро;
Живу отныне тьмой, как прежде светом жил.

«Вот дама светская, чей нрав был горделивый...»

Вот дама светская, чей нрав был горделивый,
Сменила пыл любви на здравие души,
Свой золотой дворец – на хижину в глуши,
На покаянье – грех, на боль – покой счастливый;

На тревник – зеркало, на плач – слова игривы,
Сияние очей – на слезный ток в тиши,
Наряды пышные – на шепот «не греши»
С терзаньем за тщету и блудные порывы.

И жизнь, и красоту спешит она проклясть,
Ей суетность страшна, противна неги сласть,
Златые локоны и жгучих взоров сила.

Зерцало святости! пример благих чудес
Показывает нам: дабы достичь Небес,
От мира мы должны отречься до могилы.

Абрагам де Вермей (ок. 1555–1620)

«Пою и плачу, строю – тут же рушу...»

Пою и плачу, строю – тут же рушу,
Дерзаю и боюсь, стою и мчусь,
Толкаю, падаю, блещу, чернюсь,
«Да» говорю и слово вмиг нарушу;

Я бодрствую и сплю, храбрюсь и трушу,
Горю, лядянею, от любви томлюсь
И ненавижу, гибну – выжить тщусь,
Отчаюсь и надеждой грею душу.

Кладу под пресс всё это, и – вино,
То белое, то черное оно,
И им пьяна душа в судьбе немилой;

Туда-сюда шатается в беде,
Как в бурю лодка, мечется везде,
Вдовица кормчего, весла, кормила.

Марк де Папийон де Лафриз (1555–1599)

«Мой Бог! Какая сласть, когда в засос целую...»

Мой Бог! Какая сласть, когда в засос целую
Сей юный лепесток, упав с ней на кровать;
Мой Бог! Какая сласть мне с нею воевать,
Когда, в исходе битв, кровь сладкую пролью я.

Мой Бог! Какая сласть лелеять мне шальную
И слышать смех ее, начавши щекотать;
Мой Бог! Какая сласть, когда начнет шептать
Мне томным голосом: «Ах, милый мой, умру я».

Когда уж не могу, мой Бог! Какая сласть
С кровати на ковер, играючи, с ней пасть.
Мой бог! какая сласть щипать ее за бёдра,

Вылизывать ей грудь, покусывать сосок.
Мой Бог! какая сласть с ней разминаться бодро,
Блондинкой овладев под легких ног бросок.

«Люблю познания, но книг я не читаю...»

Люблю познания, но книг я не читаю,
Люблю войну, но так, чтоб быть и свеж и здрав,
Люблю я лошадей, чей вид пригож и нрав,
Люблю покой в тиши, и смех я почитаю.

Люблю насмешничать, пуская сплетен стаю,
– Но чтоб при всём при том я оставался прав;
Люблю честной наряд, чтоб был не мят рукав,
Люблю на Корабле плыть по морскому краю.

Люблю безлюдные и людные места,
Люблю забавы, пляс, я враг твой, маета,
Люблю водицу я, салаты и жаркое,

Люблю закуски я и доброе вино.
Люблю я всё, Саре, но более одно:
Упитья красотой, что нежно правит мною.

Жак Даву дю Перрон (1555–1618)

Храм непостоянства

Я в честь Непостоянства храм построю;
Влюбленные молиться будут в нем
И приносить обеты день за днем,
Быть может, с покаянною мольбою.

Из легких перьев будет свод просторный,
Его отдам ветрам на произвол;
Алтарь я б там соломенный возвел,
Чтоб сердце в жертву обречь притворно.

Сей храм украсят дивные картины:
Забвенья, заблуждения, тщета,
Надежды, пыл желаний, суета,
Пустые клятвы, вымысел невинный.

Для освящения моя богиня
Пусть волны призовет, ветра, луну,
Храмовником там службу я начну,
А дама станет жрицею святыни.

Она воссядет в центре как Сивилла,
С треножника серебряного нам
Глаголя то, что лишь пристало снам,
В Непостоянства грезе легкокрылой.

Она заполнит легкие скрижали
Стихами, что навеет ярость ей,
И бросит их парить под эмпирей,
Чтоб небылицы ветры разметали.

Там восклубит она до небосклона
Дым тысяч клятв, у коих лжива суть,
Чтоб в фимиамах Божеству тонуть,
Которому кадит любой влюбленный.

На страже встав перед дверьми святыми,
Всех буду гнать от храмины я той,
Кто не помечен надписью златой —
На лбу не носит Легкомысля имя.

Притворными слезами, стоном ложным
Я скользкого Протея напою
И вскормленную воздухом Змею¹,
Что глаз морочит цветом всевозможным.

Дочь ветра, не побрезгуй страстотерпцем,
О ты, чей перьями увенчан стан,

---

¹ Хамелеон – символ изменчивости и непостоянства. По средневековому поверью, он питается только воздухом.

Пусть будет доступ в храм счастливый дан
Всем тем, кто, как и я, изменчив сердцем.

Аннибаль де Лортиг (1570–1640)

«Козлище дряхлый, прочь, не суй к Киприде рожи...»

Козлище дряхлый, прочь, не суй к Киприде рожи,
Не подходи, не то рога тебе нести,
Болтун седой у дам нисколько не в чести,
Щетина на груди для них избави Боже.

Им только юный мил, румяный и пригожий,
С пушочком на губах, что сам герой почти;
Трясущемуся то вовек не обрести,
Что юному легко достанется на ложе.

С богатеньким глупцом, врагом войнушек, жить
Всё то же, что земли отбросом дорожить
Иль калом Доблести, коль оную поносит.

Об Александре он, о Кире речь ведет
И гимны римскому оружию возносит,
А сам-то трус такой, что пыль его убьет.

Франсуа Менар (1582–1646)

Прелестница в годах

Клориса, многие тебе служил я годы
И миру страсть явил, которой нет сильней,
Иль не желаешь ты смягчить мои невзгоды,
Послав моей зиме хоть пару теплых дней?

О, не лишай надежд на счастье скорбью вдовьей!
Доколе лик скрывать, вуалью затеня?
Откинь зловещий мрак, чтоб мог я зреть с любовью
Сиянье глаз твоих, сжигающих меня.

Где трезвой мудрости былое превосходство?
И что причиною душевных перемен?
Под маской верности ты прячешь сумасбродство,
Одно мученье мне, что ты лелеешь тлен.

Хоть вечного вдовства дала б обет жестокий,
Чтя мужа своего со стынувшим одром,
И хоть от Цезарей вела б свой род высокий,
Любовь твоя должна меня дарить добром.

Пусть горести придут, сменится смех тоскою,
Пусть короли падут, народ придет к ярму,
Пусть молят Гектора, испепеляют Троию,
Коль новый твой закон всем сердцем я приму.

Нет, не сегодня я тобой был завоеван,
А восемь люстров² с той поры уж пронеслось,
Я всё лицом твоим как прежде очарован
Со снежной проседью каштановых волос.

Очами юными огонь во мне посеяв,
Сразила пленника стрелою наповал,
Но факел ты взяла священный Гименеев,
И, честь твою блюдя, я страсть свою скрывал.

Я почитал тебя, служил тебе я свято,
И свой священный долг не нарушал ничем;
Коль тайну открывал кому-нибудь когда-то,
То самым верным лишь, кто оставался нем.

Чтоб горечь подсластить тоски не исцеленной,
Утесам жалуюсь, совета я прошу
У древних сих чащоб, что завесью зеленой
И в полдень ночь творят, в которую спешу.

Душа полна любви и томных меланхолий,
Под апельсинами лежу в краю чужом,
Морям Италии я поверяю боли,

---

² 40 лет. Люстр – в Древнем Риме: пятилетие как мера времени.

И эхо здесь звучит об имени твоём.

Прославленный поток, что всякий почитает,
Нептуна самого презрением дарю,
Лишь память о тебе мне сердце согревает,
Не Рима древности, тебя в стране сей зрю.

Клориса, страсть к тебе вошла в мою натуру,
Подобной не найти во всех былых веках,
И любо-дорого природе и Амуру
Мой видеть жаркий пыл и огонь в твоих глазах.

Та красота, какой цвела былая младость,
Осталась у тебя сейчас на склоне дней,
И время гордое испытывает радость,
Что не смогло стереть с лица красоты твоей.

На тлен земных вещей взираешь без опаски
И в зеркало глядишь довольная сама,
Ведь лилий, роз твоих еще не блекнут краски,
И новою весной цветет твоя зима.

Я сдался старости; и убывают силы,
Седины мне велят, чтоб свет я позабыл,
Остыла кровь моя и холодеют жилы,
Не тлел бы в них огонь, когда б я не любил.

Настанет вскоре день, когда унылой Паркой
Обрежется моя затянута нить!

Пред тению моей, какую пеней жаркой
Себя за строгости ты будешь впредь винить!

И чем почтишь мой прах, Клориса дорогая?
Без угрызения меня ты поминешь?
И, мертвым будучи, утешу ли тебя я,
Когда меня хвалить, себя корить начнешь?

А если доживу я до твоей кончины,
Под бременем тоски рассудок мой падет;
Над прахом день и ночь рыдать мне от кручины,
И утешение вовеки не придет.

Кардиналу Ришелье

По настроенью правите страной,
То штиль ей шлете, то ненастье злое
И между тем смеетесь надо мной,
Что предпочел двору свое село я.

Клеомедон, благодаря судьбе
Доволен я пустыней сей угрюмой,
Где, как анахорет, сам по себе,
Живу вдали я от мирского шума.

Здесь буду рад состариться без дел,
Жить только для себя вот мой удел;

Ни чаянья, ни страх мной не владеют.

Коль Небеса, склонясь к моим мольбам,
И вас, и Францию вдруг пожалеют,
Тогда со мной сравниться счастьем вам.

Этьен Дюран (1586?–1618)

«Я в пламени дрожу, горю³ в плену ледовом...»

Я в пламени дрожу, горю³ в плену ледовом,
Целительному сну очей не предаю,
Живу в отчаянье, могилу жду свою,
Смерть на челе ношу под бледности покровом;

Не слезы лью из глаз – кровавую струю,
Мешаю с плачем смех, страх с мужеством суровым,
Приюта не найду на ложе я пуховом
И к солнцу поутру презрение таю;

Единовременно средь сотен дум блуждаю,
Рождение услад абортom упреждаю,
Веду с измученной душою разговор,

В то время как о вас всё думаю, какую
Неволей мне грозит ваш несравненный взор,

---

³ По злой иронии судьбы, автор этих строк был сожжен на Гревской площади в Париже за сочинение памфлета против короля.

То изойдусь огнем, то слезною рекою.

Диалог

– О, бесполезные, куда же вы, мечтанья?

Утраченного мне уже не возвратить.

– Хотим вернуть тебе былые ликованья,
Чтоб сердцу твоему хоть чем-то угодить.

– Коль нет отрад, грустны о них воспоминанья,
Не знаете, ужель? Безумна ваша прыть.

– Да, знаем, но смогли надежду сохранить,
Что, может быть, пройдут сердечные страданья.

– Надеяться ль, что в ту, которую люблю,
Я вместо хладности раскаянье вселю?
Кто любит преданно, на чудеса способен.

– И что же, любишь ты? Надежду возлелей,
У женщины отказ оракулу подобен:
Свершится всё не так, как на словах у ней.

«Я множество ночей провел в слезах и даже...»

Я множество ночей провел в слезах и даже
Считал, что слаще их не обрету вовек,
Во всеоружии стоял Амур на страже,
Чтоб ненароком сон моих не тронул век.

Но чтоб тебя узреть, о мой кумир суровый,
Бросал свой пост божок, на время отлучась,
И оставлял при мне он Сон за часового,
Что мне красу твою являл на краткий час.

Я звал его: «О сон, в тебе души не чаю,
Куда же ты спешишь? Со мной помедли, друг».
Затем смыкал глаза, продлить его желая,
Но не было его, он был к молениям глух.

Так мало благ своих дарил мне сон желанный,
Так исчезали все отрады без следа.
Вы, наслаждения, увы, всегда обманны,
Мучения мои, вы истинны всегда!

Жан Оврэ (1590–1630)

Против страшно худой дамы

Нет, в остов костяной вовеки не влюблюсь,
И не просите вы, не клюну на приманку,
Скорее к Атропос губами прилеплюсь
Иль голым в гроб сойду на вечную лежанку.

Той ночью душною, когда возился с ней,
Я спальню кладбищем воображал с ознобом,
Ее худую плоть мнил грудю костей,
Сорочку саваном, а ложе общим гробом.

Всяк надругательством над мертвыми сочтет
Касанье ссохшихся конечностей той твари;
Через тусклое стекло, будь местом их киот,
Те мощи б лобызать, уставясь в реликварий!

«Красотка, – молвил я, потрогав ей соски, —
Чтоб не пораниться, прижавшись к вам в утехе,
Грудь ватой вам обить мне было бы с руки
Иль на себя надеть добротные доспехи.

Держа ваш окорок, что словно бритва остр,
В смешении двух тел, костей и сухожилий
Я понял: ваша мать читала «Pater noster»
На четках позвонков, когда дитятей были».

К ответу я призвал невинную кровать,
А не от ревности ль скрипит она безбожно?
Нет, это лязг костей; вот так же распознать
Лепрозного легко по колокольцам можно.

Сказал мне мукомол, отменный удалец
(Порой на кляче той наездничал он браво),
Что задницу себе содрал на ней вконец
И что осел его резвей, чем та шалава.

Как подстреливший дичь лихой аркебузир,
Я пощипал ее и молвил ей: «Милаша,
Хирурга лучше б вам, что словно ювелир
Вновь кости соберет сей анатомьи вашей!

Ведь распадетесь вы, притиснутая мной,
Не слишком хрупко ли для ласк любовных тело?
Его бы сохранить до Пятницы Страстной,
Чтоб словно колокол на паперти звенело.

Благочестивые монахи изрекут,
Что только тот грешит, кто во плоти и в теле,
А коли плоти нет, вы не впадете в блуд,
Не потаскуха вы, не б... на самом деле.

Одной уродине, влюбленной в автора

Совиные глаза, а волосы змеины,
И ухмыляется с повадкой сельских баб,
Нос полумесяцем, и сопли кап да кап,
Звучит пилою смех, подобье чертовщины.

Рот треугольником, а зубы как у псины,
И проступает гниль сквозь мерзостный осклаб;
Губа шанкрёзная, лобзанье как у жаб,
Лоб штукатуренный, соски дряблее тины, —

В самой Фессалии нова такая жуть!
Ты хочешь, чтобы я, припав к тебе на грудь,
Забыл свою любовь, любезную метрессу?

Ну нет, изволь служить борделю своему;
А то, не ровен час, мне принесешь чуму,
В твои объятия идти мне точно к бесу.

«Делил я ложе с дамою прелестной...»

Делил я ложе с дамою прелестной:
Лобзала и вертелась, как юла,

И шею мне руками обвила,
Как оплетает плющ утес отвесный.

От наслаждений в нашей схватке тесной
Мне показалось, что она спала,
Похолодела, и тогда со зла
Я речью укорил ее нелестной:

«Мадам, вы спите? Иль неведом вам
Жар чувственный, что так присущ страстям?»
И та, метнувши взгляд почти порочный,

Сказала: «Нет, готова клясться в том,
Что не спала, но от таких истом
Жива ль, мертва ли, я не знаю точно».

Одной даме, игравшей на лютне сидя на коленях дружка

Одна красотка, сев мне на колени,
Вкусить давала сладостных наук,
От лютни не отнявши цепких рук;
Я юбку ей задрал без промедлений.

Любовь зажглась от пыла и томлений,
Огнем проникла в наши души вдруг;

Я разомлел от этих страстных мук,
Сдалась моя Цирцея томной лени.

«Что, – говорю, – бездействуют персты?
Играть на лютне утомилась ты,
Где прежние аккорды с их синкопой?»

Она в ответ: «Желанный, слов не трать,
Игру не могут пальцы продолжать
В то время как ее веду я попой».

«В тот месяц, для любви столь подходящий...»

В тот месяц, для любви столь подходящий,
Мы с дамою моей укрылись в лес,
Чтоб там под сенью благостных древес
Вкусить плоды любви, сердца томящей.

От нег она сомлела в этой чаще,
И тут во мне учтивый пыл воскрес,
К лицу я с поцелуями полез
И так почтил стихами очи спящей:

– О пламенники, факелы Любви,
Коль вы чрез веки белые свои

Способны молнии метать потоком,

Почто теперь страдать ваш должен свет?
Я с солнцем вас сравню, с небесным оком,
Для коего преград и в тучах нет.

Ревность

Художники словес, кем вымыслы воспеты,
И вы, изографы, безмолвные поэты,
Рисующие нам огни, оковы, чад,
Гнев, ярость, бешенство, дырявые сосуды,
Изобразите ли весь ужас той паскуды,
Что, Ревностью зовясь, в себе скрывает ад?

Тот коршун, что клюет титана Япетида,
И бочка Данаид, и плетка Эвмениды,
И колесо в гвоздях, где Иксион распят,
Все муки Флегия, Сизифа и Тантала, —
В сравненье с ревностью сие ничтожно мало;
Тому, кто сдался ей, она готовит ад.

Обняв свою жену, ревнивец мнит меж делом,
Что в мыслях та с другим, а с ним лишь только телом;
Пока та молится, верша святой обряд,
Он дома мучится, и сей Вулкан злосчастный
Рога на лбу своем считает ежечасно,

От страшной Ревности себя низводит в ад.

Завидная краса, наряда прециозность,
Журчащий голосок, походки грациозность,
Улыбка томная и откровенный взгляд,
Веселый бойкий нрав, слезинка ль на ресницах,
На лютне ли игра, мгновенный блеск в зеницах, —
Для Ревности сие мучительнейший ад.

Печальны и бледны, задумчивы и хмуры,
Капризны и скучны, тоскливы и понуры,
Сердиты и дики, на всё грозой глядят,
Их разум угнетен каким-то сном обманном,
И печень жрет им гриф с усердьем непрестанным,
Ведь у ревнивцев жизнь, не жизнь, а сущий ад.

Пусть, охладевшие, бегут они к Медеям,
Чтоб высохшую плоть помолодили те им;
Пусть угорят они в притонах, где разврат,
Иль выпадет хотя б кинжал им в гороскопах,
Всё лучше, чем в рядах ревнивцев роголобых
Спускаться в Ревности сей беспросветный ад.

Замшелые мешки, сморчки и остолопы,
Плешивые башки, отвиснувшие жопы,
Сопливые носы, скажите, знать бы рад:
Почто вы ветреных юниц берете в жены?
Вы – лед, они – огонь. Вам муки предрешённы,
Ступайте ж, старики, ступайте в этот ад.

Венсан Вуатюр (1597–1648)

«Любя Уранию, я жизнь окончу рано...»

Любя Уранию, я жизнь окончу рано!
Не исцелят меня разлука и года,
Я вижу, помощи не будет никогда,
Не возвратить былой свободы, столь желанной.

Как долго я сносил суровость невозбранно!
Но, грезя о красе, которой та горда,
Благословляю боль, и смерть мне не беда,
Не смею я роптать на своего тирана.

Порою в разуме я друга нахожу,
Он помощь мне сулит и нудит к мятежу,
Но вмиг нужда велит служить ей ежечасно.

И после тщетных всех усилий и хлопот
Мне говорит она: Урания прекрасна,
И вяжет чувства вновь подобием тенет.

«Когда из врат зари любовница Кефала...»

Когда из врат зари любовница Кефала
Гирлянды алых роз рассыпала кругом
И стрел своих снопы в усердии благом,
Лазурных, золотых, по небу разметала,

Та Нимфа, что моей гонительницей стала,
Явилась, просияв божественным лучом,
Как будто лишь она в пространстве голубом
Восточный брег своим пыланьем наполняла.

И Феб торопится, чтоб славу у Небес
Не отняли лучи пленительных очес,
Озолотить Олимп и дольные просторы.

Земля, вода, эфир – в сверканиях огня,
Но пред Филлидою, соперницей Авроры,
Склонится всё, признав ее Светилом дня.

XVII век

Франсуа Тристан Лермит (1601–1655)

Полифем в ярости

«Я вижу вас, вдвоем вы негою пьяны,
От ваших стоговоров я бешенством пьянею.
Все чувства из-за вас позору преданы,
И смеете трунить над храбростью моею?

Я вижу вас, нигде вы скрыться не вольны,
За свой последний срам я отомстить сумею:
Кусок я отломал у скал вблизи волны,
И он расплющит вас, лишь кончите затею.

Вот вы в моих руках, я камень сей держу,
Возмездие предам юнца и госпожу,
Одним ударом в прах я обращу два тела».

Так проревел Циклоп влюбленным, робким столь.
Глас – точно гром; скала, как молния, летела,

Смерть Ациду неся, а Галатее боль.

Жорж де Скюдери (1601–1667)

Спящая нимфа

Ну замолчи, Зефир, здесь не шуми в тени,
Красавицу мою от сна не пробуди ты,
Журчащий ручеек, ты камни обогни,
Смолк ветер, так и ты уйми свой плеск сердитый.

Смотрю я не дыша: коленки, вот они,
Коралловы ее уста полузакрыты,
Как мускус и жасмин, как амбра в той сени,
Из них невинный вздох, что роза, духовитый,

Хоть сомкнуты глаза, не меркнуть красоте!
И грудь вздымается, являясь в наготу,
Любуюсь ручкой я, откинутой небрежно!

Проснулась, боги! Вот Амур воспрянул вдруг,
Он рядом спал, теперь хватается за лук,
Чтоб наказать меня за мой порыв мятежный.

Даме-прядильщице

Обворожительней Иолы и Омфалы,
Филлида, крутишь ты свое веретено,
Эбеновое, так пленительно оно,
Так вид его красив, что слов мне не достало.

Вращаешь, и оно, глядишь, и толще стало,
То вверх, то вниз идет и плавно и вольно,
И в мраморных перстах кладешь ты в ковш, на дно,
Ту нить, что и саму Палладу б удивляла.

Величественна вещь, и уж не вправе ль я
Ту прялку сравнивать со скиптром короля?
Достоин этот труд особы августейшей.

Когда ты так часы изволишь проводить,
Прелестная рука Клото моей милейшей
Прядет мою судьбу и брэнной жизни нить.

Египетская красавица

Богиня смуглая, твой темный свет мгновенно
Способен черный огонь губительный возжечь;
На снега белизну ты можешь срам навлечь;

Слоновья кость ничто пред силою эбена.

В сей черноте твоя вся слава заключенна,
Я зрю: из глаз твоих, о коих молкнет речь,
Египетский Амур порхает мне навстречь,
Эбеновый свой лук нацеля дерзновенно.

Без помощи чертей пророчествуя нам,
На руку смотришь ты подобно колдунам
И вмиг обворожишь прельстительным обманом.

В угадываньи ты весьма искушена;
Помимо всех удач, что предречешь сполна нам,
Богиня смуглая, ты больше дать должна.

Пьер Корнель (1606–1684)

Ева и Мария

О человек, взгляни, вот Ева и Мария,
Сравни праматерь с той, что Иисуса Мать:
Которая милей и на какой, почия,
Сияет большая Господня благодать?

Сын первой некогда нес дьяволовы цепи,
А Сын второй низверг с нас рабства долгий гнет,
По смерти обрета другую жизнь на небе;
Один открыл нам ад, другой – на Небо вход.

На пламя обрекла всех нас праматерь Ева,
Хоть то без умысла свершила и спроста;
«Благословенная в женах» Мария дева
Не больше будет ли зачатием чиста?

Нет, нет, не верю я, и отрицать мы будем,
Во всеуслышанье повсюду изречем:
Бог благо даровал той, что праматерь людям,
И Матери Своей не отказал ни в чем.

Жедеон Таллеман де Рео (1619–1692)

«Дориса краше всех, признать пора...»

Дориса краше всех, признать пора;
Осанка, стать – не смертного удела,
Так нежен взор, улыбка так добра,
Я в ней черты богини вижу смело;
Не вянет цвет пленительного тела,
И грудь как снег незамутненный, белый,
Светлее дня сиянье жгучих глаз,
И плаваются сердца в их страстном зное,
Я сам люблю, мой пламень не угас;
Позор тому, в чьих помыслах дурное!

Люблю письмо из-под ее пера
И голос, что как песня Филомелы,
В ней истый клад пригожести, добра
И ум, умов отрада, ясный, зрелый;
Люблю в ней сердце, верное всецело,
Что благодать древних воскресить сумело,
В Амура царстве редкую сейчас;
Невинность, благодушие такое
В красотках редки при дворе у нас!

Позор тому, в чьих помыслах дурное!

Ей вемо, как любовь моя стара,
Ей зримо сердце, в коем боль остра,
Что служит ей, и рвению нет предела,
Она в любви взаимность не презрела.
Теперь казнить разлукой захотела,
И сердце рвет как гриф мне что ни час.
Мне пишет в утешение благое,
Что ждать ее недолго в этот раз;
Позор тому, в чьих помыслах дурное!

Посылка

Юнцы, по ней вздыхая то и дело
И от ее презрения томясь,
Вы знайте: чтоб любовью вас согрела,
Из вас пусть каждый будет седовлас,
И чтоб лишь братская любовь горела.
На всю страну почтит тогда хвалою,
Как хвалит на весь свет меня подчас.
Позор тому, в чьих помыслах дурное!

Юнцы, по ней вздыхая то и дело,
Не ждите грозный от нее отказ;
Чтоб полюбила вас она всецело,
Пусть лучше каждый будет седовлас.

Жан де Лафонтен (1621–1695)

Адонис *героическая идиллия*

Я петь великий Рим стихами не готов,
Ни покоривших мир благих его сынов,
Ни силу Гектора, ни славу Александра,
Ни Олимпийцев брань на берегах Скамандра, —
Предмет высок зело, мала у гласа мощь;
Мне лучше воспевать прохладу вешних рощ,
Петь Эхо с Флорою, Зефиров тиховейных,
Источников серебро и зелень трав лилейных.
В таком лесу и жил прекрасный мой герой,
Там долго не смущал Эрот его покой.
Вы миртом в честь него венчайтесь, Касталиды,
Я чествовать хочу любовника Киприды,
Адониса, чья жизнь как краткий сон прошла
И купидонами оплакана была.

Аминта, посвятил я вам произведенье,
Все песни и мольбы воздам как приношенье,
И был бы счастлив я, когда бы мог рассказ

Поведать миру боль, что в сердце из-за вас!
Когда позволите мне петь о вашей славе,
Когда я силой стрел гордиться буду вправе,
Оружьем ваших глаз, что мне сулят напасть,
Когда от ваших чар Любви окрепнет власть,
Тогда вас напишу в венце очарований,
И все благословят предмет моих страданий.
Того желаю я и только тем дышу,
Так получите дар, что вам преподношу,
Не погнушайтесь им, прочтите эту повесть,
Что вам в угоду я живописал на совесть.

Средь Идалийских гор взрастал дремучий лес,
Верхи его дерев касались небес,
Стояла хижина под сенью их угрюмой,
И в ней Адонис жил, от городского шума
Он был далек и дни в охоте проводил,
Не веря, что Амур кого-то уязвил.
Едва еще пушок покрыл его ланиты,
А ведал зверь уже: охотник знаменитый;
Помимо храбрости, подарком от Небес
Была ему краса, услада для очес.
Не любовались так похитчиком Елены,
Ни тем, кто возлюбил вотще источник тенный,
Ни всеми, чьей красе гласит хвалы глагол, —
Их всех Кинира сын, Адонис, превзошел.
Молва, богиня та, безвестная рождением,
Что в облаке главу скрывает, по селеньям,
По весям, городам разносит сей же час

О чистой красоте Адониса рассказ,
От эфиопов до племен Гипербореи,
От скифских дочерей до девушек Мореи.
И вот над Пафосом священным пронеслась.
Венера от любви меж тем не упаслась.
Остался в ней навек героя образ чтимый,
И вглубь души проник огонь неугасимый.
Зовет она сынка и стрелы просит все,
Чтоб смертному явить себя во всей красе.
Но прелестей к себе каких ни примеряет,
Ничто не мило ей; и Граций украшает.

В конце концов, избрав эротов поскромней,
Помчалась к тем горам со свитою своей,
И длинный след возок оставил на просторе;
Любовную стезю она свершила вскоре.
Адониса нашла там, где журчит струя,
Он в грезах на траве забылся у ручья
И всё смотрел в волну, не замечал Венеры,
Но свет прекрасных глаз владычицы Киферы
Развевал думы все, сколь ни были сильны.
Тут восхищаться стал он дочерью волны
И как прикован был к ней удивленным взором.
Венок цветов служил кудрей ее убором,
На волю ветерка передала влася;
Взлетал ее покров, открыв очам красоты
Грудей ее нагих, из алебаstra словно.
Их видел страстный Марс и созерцал любовно,
Когда он праздновал Олимпа на полях

Встарь низвержение Титанов гордых в прах.
Здесь недостатка нет ни в розах, ни в лилеях,
Ни в смеси прелестей, ни такожде в числе их,
Ни в чарах, что слепят тотчас же взоры все,
Ни в побеждающей и Красоту красе.
Аминта, этих черт божественной Киприды
Являет образец нам лик ваш знаменитый,
И коли выбирать придется между двух,
Богиню или вас, замрет в сомненьи дух.

Пока любитесь Венерой сын Кинира,
Такая льется речь из уст его кумира:
«О смертный, пусть тебя мой образ не страшит,
Да и Амур тебе ничем здесь не грозит;
Он и привел меня в страну твою глухую.
Мой дом на небесах, а в Пафосе царю я.
Я всё покинула, чтоб ты любил меня».
Всех чувств Адониса не передать огня.
«Богиня! – он вскричал, – иль это только снится?
Дано ли мне постичь, не ков ли здесь таится?
Могу ли, божество, поверить вам сейчас:
Вы бросили Олимп, чтоб полюбил я вас?
И мне позволено пылать к бессмертной страстью!»
«Всех подданных своих Амур равняет властью, —
Самим богам, поверь, отрадна Красота,
Божественнее нас, она всегда свята.

Мы любим, любим мы, как все, кто есть на свете.
Мощь сына моего меня же ловит в сети.

Всё в мире от любви». Так молвила краса.
Красноречивее сказали очеса,
Что убеждать могли успешней уст, наверно.
Пред взором тех очей, разящих нас безмерно,
Пред высшей красотой, что ей придал сынок,
И Марс не устоял – Адонис разве б мог?
Он любит, чувствует, как в жилы пламень входит,
От ожиданья нег весь муками исходит;
Он жаждет, верует, томим недугом тем,
С которым не пойти в сравненье благам всем.
То видит госпожа, не подавая вида,
Как будто до сих пор в сомнениях Киприда;
И каждый из четы любовников стократ
Другому клялся в том, что страстью он объят.
Каких они услад в тех пущах ни вкушали!
О вы, чей мощный глас взмывал до звездной дали,
Вы чаровали мир в душевной простоте,
Воздайте же хвалу блаженной сей чете,
Великие певцы, неповторимы все вы,
Звучат с моими в лад и ваши пусть напевы.
К вам Эхо донесет об их любви рассказ,
Читали надписи в пещерах вы не раз,
Позвольте подобрать мне слог столь величавый,
Чтоб в храме Памяти явить источник славы,
Из ваших мудрых рук коль дар сей восприму,
К потомкам перейти сказанью моему.

Все наслаждения в Амура царстве милом,
Когда среди утех мы стонем с равным пылом,

Когда, стеснительных законов избежав,
Уединяемся в безмолвии дубрав,
Где день – мгновение, а миг как нитка шелка,
Где игры детские и вздох истомы долгой,
Обеты с клятвами, восторги, чувства, страсть,
То, что в смешении сулит влюбленным сласть, —
Привычно стало всё у сей четы блаженной.
Порой они вдвоем скрывались в чаще тенной,
Там вензели свои чертили на дубах,
С древами те росли на вековых стволах;
Пережидали час томительного зноя
Наедине вдвоем в обители покоя,
Где слушали пичуг наперсники божка,
Приведшего сюда их с жаркого лужка.
Порою, на ковре из трав мягчайших млея,
Адонис засыпал в объятьях Цитереи,
Когда глаза, устав от зрительных услад,
Уж не могли бросать на милый лик свой взгляд.
Порою сладость мук они согласно пели
И близ источников стремительных сидели,
Где россыпь камушков, боримая волной,
Блестит под зеркалом подвижной глади той.
Богиня молвила: «Взгляни на бег потока,
Так время пробежит, достигнувши истока;
Для нас, богов, его ничтожен быстрый бег,
А ты им дорожи, как смертный человек,
И посвящай Любви пленительную младость».
Порой, дабы сменить утех любовных сладость,
При хороводе нимф они пускались в пляс.

Когда луна плыла по небу, всякий раз,
Как на финифть лугов серебро лучей бросала,
Богиня с юношей муравы приминала.
И сколько раз на дню скрывал их темный грот,
Пособник тайных игр, любовных их забот!
Он не приподнимал завесу плотной сени
С тех двух приверженцев молчания и тени.

Но время истекло, миг роковой приспел,
Когда ей милого покинуть долг велел.
Встревожен Пафос был любовями Венеры,
Роптали, что в лесу вкусила нег без меры
Со смертным юношей, не внемля их мольбам,
Презрев своих жрецов и свой священный храм.
Царица Пафоса, дабы унять роптанья,
Хоть от разлуки ей жестокие страданья,
Решила до поры покинуть ту страну.
Ее застал юнец у горьких слез в плену.
«Богиня, – молвил он, – почто же вы в печали,
Из-за какой тоски слезинки заблестали?
Иль чем обидел вас? Иль вами нелюбим?».
«Ах! – отвечала та, – ты подозреньем сим,
Адонис, мне чинишь напрасно огорченья,
Любовь причина слез, отнюдь не охлажденье.
На сердце тайный груз, печаль моя сильна,
Покинуть я тебя, увы, принуждена.
Должна я. Плачешь ты? Пока в отъезде буду,
Ты постоянен будь, храни мне верность всюду.
Всё думай обо мне, не преклонись на зов,

Свой выбор не дари дриадам сих лесов;
После моих оков оковы их презренны,
Заплатишь кровью мне за черный грех измены.
На льва, медведя ты, на вепря не ходи,
Остерегайся гнев будить у них в груди.
Ты диких злых зверей затронуть не отважся,
К покорству не склоняй, пред ними не куражся,
Оленей лучше ты преследуй иль косуль,
Охота сладостна всем нам не потому ль?
Тебя люблю, и страх подобный обоснован,
Всего бояться след, когда любовью скован.
Что будет, лишь представь, коль беспощадный рок
Лишит меня тебя, кто страсть во мне разжег!»
Он видел, что от слез лишь крепнуть этим чарам;
Адонис отвечал рыданием и жаром.
Не в силах госпожа покинуть те места,
И на прощание целует раз до ста.
Утехой скорбною, любовники, полны вы;
Угасшей радости последние порывы
В тот миг, когда слова рок обратил в ничто,
И не вернуть уже того, что прожито!
И вот на облаке явилась колесница,
Встав на нее, тотчас исчезла чаровница.

Напрасно он следил за нею в высоте,
Он чувствовал лишь боль в душевной пустоте,
А ветер всё крепчал, был глух к его моленью,
Исчезнув из виду, она казалась тенью.
А он Венеру звал через лесную тьму

И эхо не слышал, что вторило ему.
В печальной памяти тотчас же восставало
Всё, что незадолго влекло и чаровало,
Он вспомнить силился благие времена,
Но представлялись те лишь заблуждением сна,
Что вызывает в ночь бесплотные виденья
О прошлом и уже обманном наслажденье.
О счастье минувшем Адонис вспоминал
И лесу пел о нем, но тот не понимал.
Повсюду вокруг него вдруг нежности не стало.
Как Ночь-волшебница раскинет покрывало
И соком мака в сон несчастного клонит,
И как светило дня восходит на зенит,
Адонис жалобам бессменным предается,
И плач его двойной в жилище раздается,
И стон любовника, исполненного слез,
Зефир повеявший в священный Пафос нес.
Истома праздная, покинутость, унынье —
Вот яды, коими питал он скуку ныне,
Воспоминанием напрасным жил одним,
И так всецело скорбь вдруг овладела им.

И размышляя, как тоску прогнать подале,
Охоту лучшим счел он средством от печалей;
Средь мирных сих дубрав все удалцы вокруг
Забавой эту свой тешили досуг.
Адонис их собрал, посетовав героям,
Что в их полях кабан свирепствует разбоем.
Чащобный сей тиран приносит страх и вред

И никакого с ним в округе сладу нет.
Пеняет на него семье скупой оратай,
Что всех надежд на серп лишен от супостата.
Тот за сады дрожит, за пахоту – другой:
Цереры он дары и Флоры мнет ногой;
Источники мутит, чудовищу подобный,
В горах шумит и дол опустошает, злобный,
Отпора не боясь встревоженных селян,
Готовится топтать их урожай кабан;
Поймать его, настичь не надо и стараться:
В чащобе он живет, куда им не добраться.
Вот так разбойник злой, о ком идет молва,
В пещеру прячется, свершит грабеж едва,
Кладбищами поля в округе обращает
И безнаказанно весь край опустошает,
Закон приводит в гнев, глумится сам над ним
И, презирая смерть, несет ее другим,
А густота чащоб хранит его от казни.
Так вепрь в лесу родном скрывался без боязни.
Но наконец настал, пришел час роковой,
Когда при злобе всей заплатит он с лихвой
За пролитую кровь, за все опустошенья,
Но слишком велика цена такого мщенья!

Когда Авроры лик на небосвод востёк,
И ею запылал, румяною, восток,
У древа собрались юнцы из всех селений,
Героев стольких враз не зрели эти сени.
Вот первый Антенор от власти сна встает,

Является на сбор и солнца ждет восход;
Богиня утрення еще тогда не встала,
Сто раз торопит он любовницу Кефала;
Сто раз его клянет сварливая жена;
Собак, охоту, дичь уж прокляла она.
А следом сотня слуг сатрапа Алкамена,
Чьи снасти длинные покрыли дол надменно;
Однако же вотще с тенетами спешат:
Их множество, а лес едва ли окружают.
Явился мощный Бронт с душой неукротимой,
И старый Капус там, охотник досточтимый,

Что с юности своей любил сии леса
И к гласу приучил и ловчего, и пса.
О, если б верил так Адонис сим доводам,
Так рано б не сошел он к Стикса черным водам!
О чем же думал он, когда богини речь
Ему младую жизнь велела поберечь?
Вот прибыл Каллион, и возросла ватага.
Сын Акантея, Глипп, придти почел за благо.
Тем первый знаменит, что истый он силач,
Второй прельщает тем, что славный он богач,
И оба влюблены в Клорису безответно.
Ждут благосклонности, надеются, но тщетно.
Явились Флегр, Мимас, Пальмир пришел, блондин,
И Крантор жилистый, могучий исполин,
Ликиец Теламон, Агенор там, кариец,
Отважный Триптолем, прославленный сириец,
И Паф, борец, и Мопс, что в цель стрелять горазд,

Главк, Амилкар и Гил; там Палемон, Ликаст
И сто других, кого в толпе не различу я.
Но Аретузу я забуду ль молодую?
У девы бойкой той пронзительны глаза,
Пальмира белого пленила их краса.
С веретеном она справляться не обывла,
Оленей по лесам преследовать привыкла,
Других ей нет забав: сколь счастлив был бы тот,
Кому она не страх – залог любви пошлет!
Та дева на коне примчалась величавом,
Ступал он так легко, что не сгибаться травам,
Под дивной всадницей конь славою сиял
И взгляд Адониса, как и она, пленял.
Вот пламя на челе вспылало роковое,
И шел он с гордостью заправского героя.
Таков был Аполлон, когда его Пифон
Покинуть вынудил священный Геликон.
Как Капус рассудил, лес ближний окружая,
Рассеялась толпа охотников младая,
Их крики, гул рожков и лай горячих псов
Предвозвещали страх хозяину лесов.
Был грохот до небес, глас эха помутился,
И сводчатый чертог тем гулом огласился.
Олени быстрые пустились кто куда,
Спасались и косуль пугливые стада,
Покинувши свои жилища потайные,
Небезопасны им теперь леса густые.
Чрез заросли скачком, по тропам наутек,
Удвоил каждый зверь усилия, как мог.

Болото топкое в лесной таилось сени,
Там нежился кабан средь гнусных испарений,
Валялся он в грязи, что чудищу как дом,
Презренный искони людьми и ясным днем.
Его охотники не трогали в той жиже,
Ценили жизнь свою добычи сей не ниже.
Вот затрубили в рог, и огласилась дебрь,
Жилища своего всё ж не покинул вепрь.
Но зверю приговор судьба выносит строгий:
Учуял дух его Дриоп четвероногий,
И все другие псы, приняв его сигнал,
Подняли лай такой, что воздух задрожал,
Охотников зовя к болотному укрытью;
Вся свора ринулась на зверя с дикой прытью.
Удвоился их гнев при виде кабана,
Но зверю гордому их ярость не страшна.

Скакун Адониса, у Ксанфа вод рожденный,
Не мог свой пыл сдержать, отвагой распаленный,
Кобылой был зачат на Иде от ветров,
Измлада вскормлен он в тени густых лесов.
Конь не страшился гор и диких круч высоких
И духом не робел пред ширью рек глубоких,
Утесы презирал, как и долины, он,
За ним не мог поспеть и быстрый Аквилон.
Адонис скакуна сдержал, чтоб быть со всеми.
Кабан на двух собак метнулся в это время,
Потомков Лелапса, что слез причиной стал,

Когда Кефал свою Прокриду утешал.
Один Меламп, другой пятнистый был Сильвагий;
Разнятся участью, зато равны в отваге:
Меламп не избежал смертельного клыка,
Другого б тот же рок постиг, наверняка,
Когда бы ни ловец, что ринулся на зверя.
Тот прынул на него как буря, пасть ощеря.
Охотник смог понять, что поздно, не успел.
Застыла в жилах кровь, лицо бело, как мел;
Расширились зрачки, в них виден образ смерти,
И в умирающем не зримей он, поверьте.
Не ранен даже был, напрасен этот страх,
Но, сбитый чудищем, герой повержен в прах.
Нис, что на древо влез и там среди листьев замер,
Над ним смеяться стал, что бледен тот, как мрамор.
Но вскоре в свой черед затрепетал и Нис.
Зверь дерево сломал; оно, свергаясь вниз,
Наполнило окрест всё грохотом и треском;
Обеты Нис успел принести в паденьи резком.
Но как поведать мне подробно обо всем,
Что каждым свершено охотником и псом,
Когда ночная тень укрыла их деянья?
О дщери Памяти, безмерны ваши знанья,
Прошу я, Музы, вас, подайте голос мне,
Чтоб я воспел в стихах их подвиги вполне.

У Антеноровых Нифалы, Ликориды,
У двух отменных сук, в глазах огонь не скрытый,
Сам старей Капус их натаскивал в былом,

На вепря та и та готова прямиком.
Но вырвался вперед броском могучим, бравым
Молосс один, Флегон, слывущий волкодавом.
Ошейник у него шипами испещрен,
Учюя кабана, со сворки прянул он.
На бивни налетел, на злую кость слоновью,
И пропорол бока, но, истекая кровью,
Он хватки не разъял в погибельном бою,
На чудище повис и честь хранил свою.
Довольствоваться тем трофеем зверь не хочет:
Всех душит, топчет псов, на коих он наскочит.
О, сколько псов убил, о, сколько сбил людей!
Тот ранен пес, тот мертв и в муках гибнет сей.
Деревья, лошади, охотники, собаки
Познали на себе те бурные атаки;
Так молния мелькнет, прорезавши простор,
Ломает, жжет, крушит, свергает кручи гор.
Вот Крантор дрот метнул рукой своею твердой,
Зверь вздрогнул, обратясь к нему вспененной мордой,
Щетина в ярости вся вздыбилась в тот миг,
Когда со всех сторон помчалась туча пик.
Но сердце кабана не ведало испуга,
Он дважды избегал охотничьего круга.
Скрывался дважды он, ломая на бегу
Рогатину, какой бил Крантор по врагу,
Охотник наступал, спастись бесполезно:
Где прятался кабан, уж Крантору известно,
От кары роковой не увернется зверь,
Но нет, не задрожит, пусть смерть грозит теперь.

Отряд приблизился, дабы свести с ним счеты:
Один стрелу пустил, другой метает дроты,
И шкуру, кою слой щетины защищал,
Пронзал и надрывал убийственный металл.
Он копьями разим, но избежать их тщится;
Опасность чем сильнее, тем он бесстрашней, мнится.
Так воинами зверь зажат со всех сторон —
Куда ни повернись, везде он обречен.
Вот насыпь вокруг него воздвигли на ловитве,
И кажется, уже конец подходит битве:
Последние собрал он силы в том бою,
Не чтобы умереть – чтоб мстить за смерть свою.
Так храбрость в нем и злость тут пуще закипели,
Тем яростнее он, чем больше ран на теле.
Вот вспороты бока, вот перебит крестец;
Он топчет, он крушит, коль упадет боец.
Пал дух в охотниках, не внемлют и надежде,
Мгновенно охладел тот пыл, что был в них прежде.

Из них один Пальмир преодолел испуг,
Не зверь его страшит, а сердца частый стук,
Чтоб Аретуза в нем не видела боязни;
К нему была строга, теперь полна приязни,
Увидев, что Пальмир стремим к благим делам,
В ней радость ожила со страхом пополам.
«Коль вами движем я, отважным сим порывом,
Ужель последую тем беглецам трусливым?
Нет, не бывать тому, не страшен зверь сейчас,
Смерть презирать велят мне взоры ваших глаз!»

Сказал, и это всё: неспроста было слово;
Он мчится, он летит на кабана лесного,
То уклоняется, то прыгает, скача,
То руку занесет и лезвием меча
Потщится отомстить врагу за преступленья.
Один удар клыков – две жертвы во мгновенья:
Ему ранение, а в деве боль и дрожь,
Но злобный тот расчет не оправдался всё ж.
Меж амазонкой вепрь и юношей метался,
Тот на защиту встал, за деву испугался.
Кому из двух отмстить, не знал наверняка,
Пальмира ранил зверь, однако же, слегка.
Охотнику легко, но тяжело стало деве;
Он выдержал, она, дрожит от боли, в гневе.
Удар нестрашен был, но брызжет крови ток,
И духи всей толпой покинув свой острог,
Заставили забыть Пальмира всё на свете;
Он бледен, хладен стал, и руки точно плети;
И ум бездействует, и полог на глазах.
Как счастлив был бы он, узрев ее в слезах!
Товарищи его жалеют, не иначе;
У Арегузы скорбь, и тонет лик во плаче.

Неподалеку, где ручьевых вод кристалл,
Устав кружить в лесу, Адонис отдыхал.
По воле вещих нимф, провидеть рок способных,
Немало проблуждал он в зарослях чащобных.
Терялся гул рожка от чар тех ворожей,
Напрасно доходил до юноши ушей.

Адонис и не знал, куда примчится в беге;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.